

Образ доктора Рагина: жизнь как уступка
(текстообразующая функция ССЦ с уступительными отношениями
в повести А.П. Чехова «Палата № 6»)

Улискова В.

Сложное синтаксическое целое (ССЦ) с уступительными отношениями, будучи структурно-семантическим компонентом текста, может выполнять в художественном произведении текстообразующую функцию, поскольку в художественной речи «довольно активно проявляется способ *изображения общего через частное, целого через часть*» [1, с. 40]. Цель настоящей статьи – выявить роль ССЦ, выражающих значение уступки, в формировании общего идейно-эстетического смысла литературного произведения. Показательной в этом отношении является пятая глава повести «Палата № 6» А.П. Чехова, в которой участие названных языковых единиц в воплощении авторского замысла чрезвычайно велико.

По закону *психологической перспективы художественного изображения*, заключающемуся «в определенном *отборе* самих объектов изображения (соответственно – словообразов), в их *расположении* и в их *освещении*» [Там же], не случайным является и отбор, семантическое наполнение и расположение языковых единиц, формирующих словообразы произведения или его части, и, в частности, ССЦ с уступительными отношениями.

Логико-семантический статус уступительности (модель «*хотя...*, *но...*») определяется как синтез двух компонентов: 1) значения внутренней обусловленности и 2) противительного значения [2; 3; 4; 5; 6]. «Результат этого синтеза – значение недостаточного (отвергнутого) основания. Парадоксальный характер и неоднозначность уступительной связи заключаются ... в соединении двух логически противоречивых квалификаций сообщаемого. Коммуникативно-прагматическая ценность уступительных отношений определяется в связи с возможностью для говорящего «представить информацию как парадокс, столкновение двух версий, двух истин, причем одна из них априорна, другая – актуальна» [2, с. 70], а *семантическая доминанта уступительности* – значение «вопреки ожиданиям». «Именно в этом компоненте заключен тот специфический субъективно-оценочный смысл, который определяет логическую индивидуальность и информативную ценность уступительности в ряду других отношений. Актуальная истина (** и мал и в то же время умен**) подрывает неопровержимость априорной истины (**если мал, то не умен**; **либо мал, либо умен**), то есть дает повод для столкновения позиций говорящего и слушающего...» [Там же, с. 71]. В.В. Миргородская отмечает, что «уступительная связь – показатель игнорирования сложившихся условий для реализации неизбежного следствия» [4, с. 50].

Описанный выше смысл является семантической доминантой рассматриваемой главы в «Палате № 6», а носителем этой доминанты в данном фрагменте произведения является линейная последовательность сложных синтаксических целых, выражающих значение уступки. О противоречивости, нарушении привычной, обыденной логики жизни в биографии доктора Андрея Ефимыча Рагина заявлено начальной фразой главы:

Странный слух! [С., VIII, 82].

Этот зачин выполняет роль семантического камертона, настраивающего читателя на восприятие дальнейшего повествования как чего-то необычного, даже невероятного (см. толкование значения слова *странный*: «Вызывающий недоумение, удивление своей необычностью» [МАС: IV, 281], то есть парадоксальный, нарушающий априорно известные причинно-следственные связи.

Цепочка ССЦ, разворачивающая дальнейшее повествование, представляет жизнь героя как сплошную *уступку*, т. е. *отречение от себя и даже предательство себя*, своих ин-

тересов, склонностей, веры, долга, предназначения. Так, не проявляет твердости и «уступает» чужому мнению Андрей Ефимыч при выборе дела всей своей жизни:

Доктор Андрей Ефимыч Рагин – замечательный человек в своем роде. Говорят, что в ранней молодости он был очень набожен и готовил себя к духовной карьере и что, кончив в 1863 году курс в гимназии, он намеревался поступить в духовную академию, но будто бы его отец, доктор медицины и хирург, едко посмеялся над ним и заявил категорически, что не будет считать его своим сыном, если он пойдет в попы. Насколько это верно – не знаю, но сам Андрей Ефимыч не раз признавался, что он никогда не чувствовал призвания к медицине и вообще к специальным наукам.

Как бы то ни было, кончив курс по медицинскому факультету, он в священники не постригся. Набожности он не проявлял и на духовную особу в начале своей врачебной карьеры походил так же маю, как теперь [С., VIII, 82].

Недостаток силы воли, воли к действию и отстаиванию справедливости, слабость характера ведут к противоречию между делом и мыслью и умножают вокруг доктора зло:

Андрей Ефимыч чрезвычайно любит ум и честность, но, чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватает характера и веры в свое право. Приказы-вать, запрещать и настаивать он положительно не умеет. <...> Сказать же смотрителю, чтоб он перестал красть, или прогнать его, или совсем упразднить эту ненужную паразитную должность – для него совершенно не под силу. Когда обманывают Андрея Ефимыча или льстят ему, или подносят для подписи заведомо подлый счет, то он краснеет, как рак, и чувствует себя виноватым, но счет все-таки подписывает... [С., VIII, 84]

Даже **внешность и манера поведения** доктора не соответствует его природной «фактуре» и общественному статусу:

Наружность у него тяжелая, грубая, мужицкая; своим лицом, бородой, плоскими волосами и крепким, неуклюжим сложением напоминает он трактирщика на большой дороге, разъезжавшего, невоздержанного и крутого. <...> При высоком росте и широких плечах у него громадные руки и ноги; кажется, хватит кулаком – дух вон. Но поступь у него тихая и походка осторожная, вкрадчивая; при встрече в узком коридоре он всегда первый останавливается, чтобы дать дорогу, и не басом, как ждешь, а тонким, мягким тенорком говорит: «Виноват!» <...> Вообще одевается он не по-докторски [С., VIII, 82].

Отношение к своим профессиональным обязанностям, врачебному долгу у доктора Рагина также не отвечает тому идеалу служения людям, которое предполагается клятвой Гиппократова. Увидев по приезду своем в город, что больница, вверенная его попечению, находится в ужасном состоянии, он следует ложно понятым учениям Гегеля о «разумности всего действительного» и о непротавлении злу (толстоства):

Осмотрев больницу, Андрей Ефимыч пришел к заключению, что это учреждение безнравственное и в высшей степени вредное для здоровья жителей. По его мнению, самое умное, что можно было сделать, это – выпустить больных на волю, а больницу закрыть. Но он рассудил, что для этого недостаточно одной только его воли и что это было бы бесполезно; если физическую нечистоту прогнать с одного места, то она перейдет на другое; надо ждать, когда она сама выветрится [С., VIII, 83].

Поэтому он ничего не предпринимает, чтобы улучшить положение дел, ограничиваясь мелочами, о чем сообщается в продолжении данного ССЦ:

Приняв должность, Андрей Ефимыч отнесся к беспорядкам, по-видимому, довольно равнодушно. Он попросил только больничных мужиков и сиделок не ночевать в палатах и поставил два шкафа с инструментами; смотритель же, кастелянша, фельдшер (грабившие больных. – В. У.) и хирургическая розжа остались на своих местах [С., VIII, 84].

В изображении А.П. Чехова доктор Рагин – один из тех интеллигентов, которые, столкнувшись с трудностями, теряют смысл и перспективу своей деятельности, быстро утомляются, ломаются и отступают от решения профессиональных и социальных задач. Финал пятой главы «Палаты № 6» передает это в виде ССЦ с уступительным значением, где в

первом компоненте содержится положительная оценка начала деятельности доктора, а во втором, «преодолеваемом», - отрицательная (оценка ее продолжения):

В первое время Андрей Ефимыч работал очень усердно. Он принимал ежедневно с утра до обеда, делал операции и даже занимался акушерской практикой. Дамы говорили про него, что он отлично угадывает болезни, особенно детские и женские. Но с течением времени дело заметно прискучило ему своим однообразием и очевидною бесполезностью <...> Подавляемый такими рассуждениями (о ненужности вмешательства в ход болезни, избавления больных от страданий. - В. У.), Андрей Ефимыч опустил руки и стал ходить в больницу не каждый день [С., VIII, 84-85].

Беда и трагедия доктора Рагина в том, что оппонента своим мыслям о ненужности сопротивления злу, о бесполезности искоренения страданий, болезней, хамства, унижения человека, так как «всё действительно разумно» (по Гегелю), он находит среди сумасшедших; больной Иван Дмитрич обличает позицию Рагина:

– ... Нас держат здесь за решеткой, гноят, истязуют, но это прекрасно и разумно, потому что между этою палатой и теплым, уютным кабинетом нет никакой разницы. Удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь... Нет, сударь, это не философия, не мышление, не широта взгляда, а лень, факирство, сонная одурь... [С., VIII, 103].

Весь город, в котором живет доктор, поражен безразличием к ближнему, погряз в ничегонеделанье, в пороках и в невежестве. Те же, кто должны были бы, как представители интеллигенции, считать нормальными интерес и уважение к человеческой личности, уму, науке, тягу к общению (доктор Хоботов, фельдшер, Михаил Аверьяныч, городской голова), видят в посещениях Андреем Ефимычем палаты № 6 только признаки его безумия. Слух о мнимом сумасшествии доктора Рагина пущен злонамеренно карьеристом и завистником Хоботовым, и Андрей Ефимыч на себе испытывает последствия теории о непротивлении злу, о мнимой разумности всего действительного, расплачивается за свои уступки ему и честью, и свободой, и самой жизнью... Художественная закономерность такого конца показана А.П. Чеховым как абсурд русской жизни, в которой *истина априорная* противоречит и «уступает» удобной для равнодушного и немилосердного большинства *истине актуальной*: совесть живет не в обществе, а в изгоях этого общества и признается безумной.

Таким образом, в повести А.П. Чехова «Палата № 6» важная роль в формировании и выражении общего идейно-художественного смысла принадлежит таким синтаксическим единицам, как ССЦ с уступительными отношениями, текстообразующая функция которых особенно ярко проявляется в пятой главе этого произведения.